

Анатолий
КОНТУШ

ИСКУССТВО
ЧИТАТЬ
КНИГИ

Записки

путешественника

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Анатолий Контуш

**Искусство читать книги.
Записки путешественника**

«Алетейя»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Контуш А.

Искусство читать книги. Записки путешественника /
А. Контуш — «Алетейя», 2020 — (Русское зарубежье. Коллекция
поэзии и прозы)

ISBN 978-5-00165-180-2

Все мы любим читать. Но умеем ли мы это делать? Какую книгу нужно выбрать и как, когда и где ее прочесть? «Искусство правильно читать книги» Анатолия Контуша не только задается этими странными, на первый взгляд, вопросами, но и предлагает неожиданные ответы на них. Эта умная, порой веселая, порой грустная повесть переносит читателя из Буэнос-Айреса в Дублин, Ки-Уэст, Брюгге и т. д. с «Экзаменом», «Улиссом», «Иметь и не иметь», «Легендой о Тиле» и другими книжками в старом портфеле. При этом из всех своих путешествий по земному шару автор – ученый и писатель, руководитель исследований в парижской Сорбонне и лауреат литературных премий, чемпион Всесоюзного КВН и доктор наук – так или иначе возвращается на свою родину в Одессу.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-180-2

© Контуш А., 2020

© Алетейя, 2020

Содержание

С книгой в руках по Земшару	5
Париж. «Отверженные»	10
Эдинбург. «Похищенный»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анатолий Контуш

Искусство читать книги.

Записки путешественника

С книгой в руках по Земшару

Любите читать книги?

Замечательно.

Но умеете ли читать книги?

Какую, по какому поводу выбрать?

Вспомнил совет Пушкина:

«Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти “Женитьбу Фигаро”».

Мыслей черных вроде и не было. Шампанское не по погоде. Да и Бомарше не привлек. А тут звонок по телефону. Из Парижа в Одессу прилетел Анатолий Контуш. И человек замечательный, и писатель из любимых.

Пришел. Выпили по пятьдесят грамм коньяка. Поговорили. Контуш привез свою новую, еще не напечатанную, повесть, и представьте, называется эта повесть как раз в соответствии с вопросами, что я задавал себе – «Искусство читать книги».

И подзаголовок интересный – «Записки путешественника».

Любопытно – путешествие внутрь себя, в связи с каждой прочитанной книгой, или странствия по миру в поиске героев любимых книг...

Медленно, растягивая удовольствие, вкушая, читал я эту умную и веселую книгу, написанную писателем – тонким стилистом.

А сейчас напомним всем, кто видел фильм «Интонации большой Одессы», что герой парижского сюжета – обаятельный Анатолий Контуш.

Мне очень хочется познакомить вас с этим человеком – ученым и писателем.

О нем одинаково легко и трудно писать. Легко, потому что своими книгами, выступлениями перед зрителями, сайтом в интернете он сам задал точки отсчета, горизонты Анатолия Контуша. Но и бесконечно трудно, так как он не просто талантлив, а тотально талантлив. Хоть, впрочем, вертикаль Анатолия Контуша (имею в виду не только его физический рост) теряется для нас из виду в обществе свободных радикалов, а это только одна из областей науки, в которой он встал во весь рост.

Кстати, понимая сложность своего бытования на планете Земля, Анатолий Контуш написал две свои биографии.

Скажем так: для умных и очень умных, а если вернуться к формулам 60-х годов, когда Толя родился, то для «физиков и лириков».

Помните: что-то физики в почете, что-то лирики в загоне, а может, наоборот. И предчувствуя необходимость синтеза, в Одессе в 1960 году родился Анатолий Контуш.

Для начала (а точнее, чтобы с этим закончить) я представляю, насколько понимаю сам, его научную биографию.

Естественно, что ребенок, который родился в Одессе в 1960 году, должен был что-либо окончить.

В 1982 году окончил физический факультет Одесского университета.

Работал в Петропавловске-Камчатском, Одессе, Гамбурге, Нью-Йорке.

Доктор естественных наук (степень присвоена Гамбургским университетом в 1996 году).

В настоящее время – руководитель исследований в лаборатории №1166 Национального института здоровья и медицинских исследований.

Круг научных интересов – обмен жиров и липопротеинов, патологическое окисление, антиоксиданты, болезнь Альцгеймера, атеросклероз, нейродегенеративные и сердечно-сосудистые заболевания.

Лауреат премии Французского общества по изучению атеросклероза. Отмечен наградами фармацевтических фирм США и Западной Европы.

Член Европейского и Французского обществ по изучению атеросклероза, а также Международного общества по изучению свободных радикалов.

О свободных радикалах я уже упомянул, кажется, некстати (можно подумать, что речь идет о радикалах, которые не сидят в тюрьме!).

Теперь о лаборатории №1166 Французского национального института здоровья и медицинских исследований. Она находится на территории больницы Питье-Сальпетриер в тринадцатом округе Парижа. Питье-Сальпетриер – одно из наиболее известных медицинских учреждений Франции. В начале XIX века замечательный французский художник Теодор Жерико создал серию портретов несчастных обитателей Сальпетриера. В его время это был госпиталь для душевнобольных, более похожий на тюрьму... А в наше время здесь оперировали после покушения мэра Парижа Бертрана Деланоэ, здесь пытались спасти принцессу Диану, здесь поставили на ноги знаменитого бразильского футболиста Рональдо.

Лаборатория № 1166 относится к медицинскому факультету знаменитой Сорбонны, а еще не так давно входила в состав университета Пьера и Марии Кюри, в котором эти знаменитые физики работали в первой половине XX века. В первой половине XXI века здесь работает наш земляк Анатолий Контуш.

Отдохнем. Нельзя потреблять так много научной информации сразу. Вспомним, что Анатолий Контуш – писатель. Отличный писатель. Вот, к примеру, как он начал описывать одеситок:

Цветущие, как акации,
мягкие, как брынза,
шумные, как Привоз,
воздушные, как Пассаж,
блистательные, как Оперный театр,
мокрые, как пятый трамвай,
притягательные, как Дерибасовская,
пугающие, как катакомбы,
любимые, как «Черноморец»,
благородные, как Ришелье,
юные, как Одесса.

Что это? Проза или стихи? Это стиль Анатолия Контуша, уже утвердившийся в опубликованных его книгах, в сотнях выступлений на двух материках – в Европе и Америке.

Теперь биография для лириков.

Одесский университет – капитан КВН.

Петропавловск-Камчатский – преподаватель физики.

Одесский институт пищевой промышленности – аспирант.

Всесоюзный КВН 1986–87 годов – чемпион.

«Клуб одесских джентльменов» – автор текстов.

Одесская государственная филармония – актер.

Гамбургский университет – доктор естественных наук.

Нью-йоркский комедийный клуб «Канотье» – актер и автор.

Автор книг «Одесские портреты» (2001) и «Городские портреты» (2004), опубликованных в Санкт-Петербурге издательством Фонда русской поэзии. За вторую из них в 2004 году удостоен литературной премии «Петрополь» в том же Санкт-Петербурге.

Автор повести в рассказах «Одесса и другие явления природы», изданной в Одессе в 2015 году. Книга стала лауреатом книжного конкурса «Зеленая волна» в Одессе в 2016 году.

А теперь несколько штрихов, дополняющих обе биографии.

Когда режиссер Олег Сташкевич пребывал в поисках, как создать атмосферу Клуба одесских джентльменов, он всем участникам дал одно указание: «Посмотрите на Контуша!»

В 1986 году капитаном впоследствии прославившейся на весь Советский Союз команды КВН ОГУ стал Слава Пелишенко. Обращаясь к своим товарищам, он сказал: «Если я заболею, капитаном станет Контуш».

Перечислить все репризы Анатолия – невозможно. Но одна из них запомнилась всем, кто ее слышал.

Кто-то из джентльменов бросает реплику: «Почему на наших улицах появилось так много подержанных автомобилей иностранного производства?».

Контуш отвечает: «Просто в битве автомобильных гигантов нам доверили подбирать раненых...»

– Ему не нужно было создавать новый образ – и в науке, и в искусстве он был «рассеянным профессором» – говорил мне Сергей Рядченко, о котором Контуш написал в главе «Литераторы» «Одесских портретов» вслед за Исааком Бабелем и Эдуардом Багрицким.

Кстати, в главе «Музыканты» у него такие предпочтения: Леонид Утесов, Давид Ойстрах, Эрнест Штейнберг.

Профессии – профессиями, но Толя не забывает, что мир делится на женщин и мужчин. Мне кажется, что про женщин он пишет вдохновеннее. И они ему платят взаимностью.

Рассеянный профессор? Как бы ни так. Это все авиакомпании мира путали его фамилию: Коклюш, Контура, Коитус, Кактус... А он был и остается Анатолием Контушем.

Его увлечения? Наука и литература. Его работа? Наука и литература. И еще путешествия. Он фантастически ориентируется на незнакомой местности. В Амстердаме за полчаса нашел никому не известную гостиницу «Ван Гог», где его подждал друг по КВН одессит Владислав Царев.

Читает (до сих пор!) газеты. Берет восемь-десять разных газет в самолет от «Пари-Матч» до «Железнодорожника Заполярья» и, не отрываясь, читает.

Может, из этих газет и родилась «Зоология человека», которой Анатолий Контуш и его друг и многолетний соавтор Юрий Сычев представлены в томе «Одесский юмор»?

А теперь о его премии. Премий было множество, но премией «Петрополь» награждаются в Питере самые талантливые авторы каждого года. И то, что одессит Анатолий Контуш, он же парижанин, гамбуржец, далее – везде, стал лауреатом премии, а в альманахе «Петрополь» печатались и печатаются Д. Самойлов, Т. Толстая, И. Бродский, Л. Лосев, Э. Неизвестный, А. Городницкий, Е. Рейн, А.Битов, определяет уровень литературных горизонтов Анатолия Контуша.

Повторюсь, где бы ни жил сейчас Анатолий, его сайт – один из самых одесских сайтов, его книги – одни из самых одесских книг. И думаю, он был бы прав, если бы в переиздании

«Одесских портретов» в главу «Писатели» после Исаака Бабеля, Эдуарда Багрицкого и Сергея Рядченко поставил бы свой автопортрет. Художникам можно? А почему же писателям нельзя? Что им делать с собой, если они действительно тотально талантливы!

Теперь, надеюсь, читатель понимает, что держит в руках книгу писателя-изобретателя.

Чему научили бесчисленные путешествия Анатолия Контуша? Как бы ты ни был занят, какие проблемы бы перед тобой ни стояли – в портфеле должна быть нужная книга. Нет, не детектив, нет, не любовная мелодрама...

Должна быть книга, действие в которой проходит там же, где сейчас ты, чтобы острее почувствовать текст, а может, глубже ощущать свою жизнь.

Ты во Флориде? Старик Хемингуэй тебе в помощь, бессмертные «Иметь и не иметь».

Едешь в Аргентину, в Буэнос Айрес – положи в портфель Кортасара. Его «Экзамен» станет экзаменом и для тебя.

Конечно в Ирландии, в Дублине, иначе откроется «Улисс» Джойса, как и в Ницце XXI век сопряжется с XIX в новеллах Мопассана.

Читал книгу Анатолия Контуша, понимая, что из всех самых кругосветных путешествий, он всегда возвращается, хоть на неделю, в отчий дом – в Одессу.

Задумался – какую книгу он выберет для чтения в родном городе? Какой-либо из поздних мовистских романов Валентина Катаева, ностальгических и горьких, как одесская полынь? Пришедший к нам на шестьдесят лет позже, чем ко всему миру, гимн Одессе – роман Владимира Жаботинского «Пятеро»? Искрящиеся юмором романы Ильфа и Петрова?

Я бы, несмотря на всё это многообразие – Юрий Олеша, Лев Славин, Семен Гехт... – остановился на фундаменте всей одесской школы: на рассказах Исаака Бабеля. И даже не на веселых робингудовских про благородного разбойника Беню Крика, а на рассказах тридцатых годов, тоже одесских, но трагических, таких как «Ди Грассо», как «Фроим Грач».

Как же я обрадовался, что мои вкусы и вкусы автора книги совпали.

Заключительная глава, ностальгически прекрасная и сомнамбулически страшная, переносит нас в Одессу. Глазами героев Бабеля мы видим город, когда-то третий город Российской империи (не считая Варшаву).

Попытались превратить его в заурядный областной центр? А город не прогибается. Город и море – «свободная стихия», почувствованная Пушкиным в XIX веке, оставшаяся такой и для Иосифа Бродского, и для Владимира Высоцкого в XX веке.

Этой традиции верен и Анатолий Контуш.

Так что эта книга – путешествие в глубины души. И автора. И читателей.

Евгений Голубовский

Сл.

Больше всего на свете я люблю читать.

На то, чтобы научиться правильно это делать, у меня ушло много лет.

Долгое время я читал так же, как все.

Я покупал приглянувшуюся мне книгу в магазине, брал в библиотеке или выпрашивал у друзей, приносил домой, клал на письменный стол, в портфель или на ночной столик, открывал сразу же, через несколько часов или спустя много дней, проглатывал залпом, медленно растягивал удовольствие или с трудом добирался до развязки, читал вечерами перед сном, утром по дороге на работу или днем в выходные, не делая разницы между весной, летом, осенью и зимой, понедельником, вторником, средой, четвергом, пятницей, субботой и воскресеньем, в светлое время суток и по ночам, окруженный людьми и в одиночестве, в движении и покое, в помещении, на улице, в парке и на пляже, в автобусе, троллейбусе, трамвае и метро, на катере, яхте, пароме и теплоходе, в автомобиле, электричке, поезде и самолете – словом,

как все остальные, не обращая внимания на место и время. Жизнь шла вперед, печатные книги исчезали и понемногу замещались электронными, но в моих привычках ничего не менялось.

Я любил книги за то, что они позволяли пережить невозможное, увидеть невидимое и услышать неслышимое... как, например, звук, с которым раскалывается лед, когда на него падает первая капля виски – очень похожий на тот, который раздаётся, когда гитарист взмахивает рукой перед вступительным аккордом на залитой солнцем площади в центре северного города среди кирпичных зданий у входа в старинный паб ярким весенним утром, или когда танцовщица приподнимает ногу над высоким вырезом черного платья за мгновение до первой ноты танго на крошечной сцене открытого кафе посреди разноцветных фасадов зимним августовским днем, или когда мальчишка отталкивается от пирса над синей водой залива в жаркий июньский полдень, еще не слыша одобрительных возгласов друзей и испуганных вскриков девчонок. Но чтение за это любили миллионы других, кроме меня, и в этом не было ничего особенного.

Париж. «Отверженные»

Первой книгой, которую мне удалось прочесть иначе, было старое издание «Отверженных»¹. Тогда я еще не знал, что такое возможно, и поэтому далеко не сразу понял, что произошло.

Все получилось само по себе.

Первые три тома я прочел, как всегда, где и когда придется, особенно ни о чем не беспокоясь. Четвертый том я начал как раз перед отъездом в Париж, и мне пришлось взять книгу с собой. Поселившись в однокомнатной квартирке на улице Флерюс, я ходил на работу через Латинский квартал, а по выходным сидел с книжкой в Люксембургском саду, наблюдая, как аккуратно одетые мальчики и девочки запускают разноцветные корабли в круглом фонтане перед зданием сената. Но стоило мне опустить взгляд на страницу, как перед глазами оказывался двухэтажный дом на улице Плюме, когда-то называвшейся Бломе, который через глухой проход, заканчивавшийся потайной калиткой, выходил на Вавилонскую улицу. Совсем рядом возвышались роскошные особняки улицы Варенн, сияющий купол Дома инвалидов, гордый фронтон Палаты депутатов, и Жан Вальжан, взяв под руку Козетту, выходил из дома, пересекал Сен-Жерменское предместье и углублялся в аллеи Люксембургского сада.

Я работал в больнице Сальпетриер и каждый день по несколько раз проходил через больничный парк с высокими каштанами, аккуратно подстриженными липами и величественной часовней посередине. В парке было тихо, и после работы я иногда оставался почитать на скамейке возле старого здания почты. Солнце садилось, желтые стены часовни становились оранжевыми, и Гаврош бродил в пустынных местах за больницей, где можно было рассчитывать на удачу.

В свободное время я много гулял по городу от Орлеанских ворот до Монмартра, то и дело забредая куда-то послушать музыку. В одно из воскресений я оказался на Монмартрской арене, где только начался концерт старинного фольклора. На полукруглой сцене музыканты выводили причудливые мелодии в замысловатых ритмах, и сидящие на каменных ступенях зрители хлопали в такт музыке под ясным июльским небом.

– Qu'est-ce que ce, cette musique?² – спросил я, обернувшись, свою миловидную соседку.

Через час, быстро перейдя на «ты», мы уже сидели за бокалом вина у входа в кафе на северном склоне холма, а когда наконец попрощались у входа в метро, ты спросила «As-tu quelque chose pour écrire?»³ и записала свой номер телефона в мою записную книжку после того, как я достал ручку из кармана. Раздумывая о том, как любопытно порой устроена жизнь, я пешком спустился к Сене, достал из рюкзака увесистый том и нашел пустую скамейку: для чтения книг, как и для их сочинительства, нужно одиночество, чтобы никто не мог помешать оказаться в толпе персонажей. Совсем недалеко отсюда, на правом берегу, юная Козетта случайно взглянула на себя в зеркало и изумилась: ей почти показалось, что она хорошенькая. Прошло несколько дней, и Мариус наконец увидел ее, сидя на скамье в одной из малолюдных аллей.

Я позвонил тебе ближе к выходным, и мы договорились встретиться в Тюильри возле фонтана в субботу. Вечер был жарким, и мы прошли по безлюдной набережной, посидели в кафе и послушали джаз в «Таверне де Ключи». Белое платье тебе очень шло, и с немного подкрашенными губами ты выглядела просто красавицей. Было около полуночи, когда мы попрощались у метро «Конкорд»; я вернулся к себе, выпил еще бокал розового и забрался в постель,

¹ Роман Виктора Гюго, действие которого происходит главным образом в Париже.

² Что это за музыка? (франц.).

³ У тебя есть, чем писать? (франц.).

чтобы немного почитать. Козетта уже овладела искусством одеваться, тайной шляпки, платья, накидки, ботинок, манжеток, материи и цвета к лицу – тем искусством, которое делает парижанку столь очаровательной, столь загадочной и столь опасной. Она стала одной из самых красивых женщин Парижа, и Мариус часто провожал ее домой на Западную улицу.

В следующий раз мы встретились на станции в Медоне, поднялись к обсерватории и прогулялись по широкой террасе вдоль ограды над склоном, глядя, как вдали над городом бесшумно плывет воздушный шар, заслоняя собой крошечную Эйфелеву башню.

– J’habite pas loin d’ici⁴, – сказала ты на прощание, указав рукой куда-то на восток.

Всю дорогу назад я читал, сидя у окна электрички. Мариус незаметно проник в сад Козетты, нажав на один из прутьев ветхой решетки, который шатался в своем проржавленном гнезде. Движимые одной мыслью, увлекаемые электрическими токами, которые держат влюбленных в непрерывном общении, Мариус и Козетта, упоенные страстью, упали в объятия друг друга, не замечая, что уста их слились в тишине, тогда как их восторженные и полные слез взоры созерцали звезды.

Когда я наконец остался у тебя ночевать, мне было не до чтения, но вечером следующего дня, вернувшись домой, я переоделся, сделал кофе и уселся с книгой на балконе. Пока Жан Вальжан, в рабочей куртке и в серых холщовых штанах, сидел на одном из пустынных откосов Марсова поля, Мариус снова раздвинул решетку и устремился в сад, но Козетты не было на том месте, где она обычно его ожидала. Со своего балкона я отчетливо видел, как Мариус поднял глаза и наконец заметил, что ставни во всем доме закрыты. Он обошел сад – в саду никого. «Козетта!» – крикнул он. Никто не откликнулся. Все было кончено. Никого в саду, никого в доме.

Мы встречались все лето, и я был так занят тобой, что никак не мог найти время для чтения, но когда началась осень, ты почему-то погрузилась и стала появляться все реже. В один из сентябрьских дней мы выбрались на пикник у восточной оконечности острова Сен-Луи, там, где течение вонзалось в скалы, напоминая морской прибой, и я взял книгу с собой. Мы посидели у воды, съели сыр и выпили бутылку вина, а потом молча поднялись в пустой сквер, уже закрытый для прохожих, и перелезли через забор у автобусной остановки.

– Je m’en vais, – сказала ты. – Ne m’accompagnes pas⁵.

И пошла к автобусу, немного пригнувшись, как от удара, и медленно переступая ногами в босоножках, похожих на детские. Я долго стоял, глядя тебе вслед, а когда ты исчезла за поворотом, развернулся и пошел к мосту.

На левом берегу было много полиции и остро пахло слезоточивым газом. Чтобы немного отвлечься, я спустился к реке, сел под деревом и открыл книгу. На улице Сен-Пьер-Монмартр люди с засученными рукавами уже несли черное знамя, на котором белыми буквами были начертаны слова «Республика или смерть!», и я увязался за ними, несмотря на чувство опасности, витающее в воздухе. На моих глазах двадцать семь баррикад выросли точно из-под земли меньше чем за час в одном только квартале рынков. Мне удалось внимательно рассмотреть баррикаду на улице Шанврери, которая была построена с таким расчетом, чтобы сражавшиеся могли взбираться на верхушку при помощи четырех рядов камней, положенных один на другой. Вскоре наступила ночь, и пятьдесят человек, оставшихся на баррикаде, замерли в ожидании атаки пятидесяти тысяч солдат правительственных войск.

Пока я читал, почти стемнело; я оторвался от книги и увидел, что все пространство вдоль Сены заполнено мигающими огнями полицейских машин. Я поднялся к университету, нашел бар и заказал бокал пива. По экрану телевизора над стойкой металась фигуры в балаклавах, и полиция в густом дыму нещадно поливала толпу из водометов.

⁴ Я живу недалеко отсюда (франц.).

⁵ Я ухожу. Не провожай меня (франц.).

Я опустошил бокал, рассчитался и пошел к метро. «Les stations Bastille, Concorde, Champs-Élysées – Clemenceau et Franklin Roosevelt sont fermées à la demande de la préfecture de la police⁶», – сказал над платформой строгий женский голос. Подошел поезд, я выбрал место поудобнее и попробовал сосредоточиться над страницей, не вспоминая о сегодняшнем дне. Под грохот выстрелов и крики раненых гвардейцев осаждающие взобрались на укрепление, на гребне которого теперь виднелись фигуры солдат с ружьями наизготовку. Один только Гаврош, стоя во весь рост на баррикаде с развевающимися на ветру волосами, распевал песенку, глядя в упор на стрелявших в него военных.

Когда я вышел на своей остановке, в вагоне было пусто; я поднялся наверх и пошел домой по темной улице, думая о том, какое это интересное совпадение – прочесть о беспорядках в Париже девятнадцатого века и тут же увидеть их своими глазами два столетия спустя. Четвертый том я закончил в тот же вечер, а последний, пятый, читал уже в самолетах, гостиницах и поездах во время очередной поездки, и ничего примечательного за это время со мной не случилось.

⁶ Станции «Бастилия», «Конкорд», «Елисейские поля – Клемансо» и «Франклин Рузвельт» закрыты по требованию префектуры полиции (*франц.*).

Эдинбург. «Похищенный»

«Похищенный»⁷ оказался в моем портфеле за десять минут до отъезда в Эдинбург. Я открыл коричневый томик в твердом переплете, только устроившись у окна «Боинга-737», следующего прямым рейсом из Парижа. На моих глазах Дэвид Бэлфур вышел на дорогу, едва первые лучи блеснули на вершинах гор, и завеса предрассветного тумана в долине стала подниматься и таять.

Когда аэропортовский автобус наконец вывернул на Принсес-стрит, солнце уже садилось, но было еще светло, и вытянувшийся вдоль дороги парк отлично просматривался до самого замка. Зеленые лужайки сбегали вниз по склону, напоминая о том, что еще недавно здесь расстилалось озеро. Я быстро нашел свою гостиницу, разложил вещи, попробовал позвонить тебе – ты, как обычно, не брала трубку – и успел взобраться на Калтон-хилл до темноты. Невидимый с улиц порт сверкал желтыми огоньками у кромки залива, и дальний берег исчезал на горизонте в фиолетовой дымке. Я спустился вниз, перешел пути по Норт-бридж и через Хай-стрит добрался до Грассмаркет. «Улей» был забит до отказа, и я с трудом протиснулся к стойке, взял красного эля, нашел место в углу, раскрыл книгу на закладке и увидел, как перед Дэвидом, сбегая к морю, открылась вся местность: город Эдинбург дымил, как калильная печь, над замком реял флаг, и по заливу шли корабли.

На следующий день я вернулся с конференции днем, прошел мимо дома Стивенсона, размышляя, кто поступил правильнее – Гоген, уехавший на Таити, или Стивенсон, отправившийся на Самоа, и повернул к скверу. Солнечный день ранней весны был в самом разгаре, и среди прохожих то и дело мелькали парни в футболках, дети в свитерках и девушки в платьях с короткими рукавами. Пятеро гитаристов в черных костюмах, белых рубашках и темных очках играли рок-н-ролл недалеко от памятника Мелвиллу, и в собравшейся вокруг толпе многие танцевали, ловко разворачиваясь на узком пространстве.

В гостинице я переоделся, немного почитал – Дэвид уже лежал на застланной грубыми одеялами койке в кубрике «Завета», набираясь сил и приглядываясь к матросам – спустился в паб и заказал пинту «Брюдог». На плоском экране в углу самолеты взлетали с авианосца под титром «US to Further Expand Freedom of Navigation Operations»⁸.

– Fucking Americans⁹, – пробормотал я под нос и отхлебнул из кружки.

– Oh, really?¹⁰ – проговорил кто-то сзади. Я обернулся: невысокий темноволосый парень с пинтой в руке улыбнулся мне и добавил:

– I was always thinking they are sweet and mild-mannered¹¹.

– There can be no doubt about it when you see pictures like those¹², – ответил я, оглядываясь на экран.

– I am Steven – and you?¹³

Мы проговорили о политике около часа, выпили еще по пинте и вышли на улицу в лучах заходящего солнца.

– See the guy over there? – спросил Стивен. – It is Damon, a friend of mine¹⁴.

⁷ Роман Роберта Льюиса Стивенсона, действие которого происходит в Шотландии.

⁸ США расширяют операции по свободе судоходства (англ.).

⁹ Чертовы американцы (англ.).

¹⁰ В самом деле? (англ.).

¹¹ Я всегда думал, что они нежные и кроткие (англ.).

¹² В этом не может быть сомнения, когда видишь такие картинки (англ.).

¹³ Я Стивен – а ты? (англ.).

¹⁴ Видишь этого парня там? Это Деймон, мой друг (англ.).

– Hello Damon, – сказал я. – Pleasure meeting you¹⁵.

– Entirely mine, – ответил Деймон, протягивая руку. – Hello¹⁶.

Мы вернулись в паб, выпили еще по пинте с Деймоном и пошли вверх по улице к нему домой пробовать французское вино.

– I very much like French wine¹⁷, – сказал Стивен, когда мы открыли вторую бутылку бургундского.

– And France, – добавил Деймон. – Tell him that you like France.¹⁸

– As to me, I very much like Scotland, – сказал я, отпивая из бокала. – Only here people wear T-shirts at plus five and on winter evenings streets are lit up with white women's legs¹⁹.

Стивен и Дэймон одновременно захохотали.

– The only thing is that I have never seen Scottish lakes²⁰, – закончил я свою мысль.

– You have never seen Scottish lochs? Why shouldn't we go to Balloch then? They have as many white women's legs as we do and Damon owns a cabin over the loch there²¹.

– I have no idea where it is but it would be great. The day after tomorrow I am mostly free²².

– Why the day after tomorrow? I propose to go right now²³

¹⁵ Привет, Деймон. Рад тебя встретить (*англ.*).

¹⁶ Я тоже. Привет (*англ.*).

¹⁷ Я очень люблю французское вино (*англ.*).

¹⁸ И Францию. Скажи ему, что ты любишь Францию (*англ.*).

¹⁹ Что касается меня, то я очень люблю Шотландию. Только у вас ходят в футболках при температуре плюс пять, и в зимние вечера улицы освещаются белыми женскими ногами (*англ.*).

²⁰ Вот только я никогда не видел шотландских озер (*англ.*).

²¹ Ты никогда не видел шотландских озер? А не поехать ли нам тогда в Баллок? Белых женских ног там не меньше, чем тут, и у Деймона там есть домик над озером (*англ.*).

²² Понятия не имею, где это, но было бы здорово. Послезавтра я свободен почти весь день (*англ.*).

²³ Почему послезавтра? Я предлагаю поехать прямо сейчас (*англ.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.